

Аррен Кода

Красный Дом

Аррен Кода
Красный Дом

«Издательские решения»

Кода А.

Красный Дом / А. Кода — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967867-6

Красный Дом находится на пересечении вечностей, и у его обитателей есть достаточно времени на то, чтобы обдумать свою жизнь. Здесь люди ходят бок о бок с существами из другого мира и ведут борьбу со смертью, которая приходит сюда в разных обличьях. По мере того как тьма сгущается за древними стенами, перед каждым из героев встает нелегкий выбор...

ISBN 978-5-44-967867-6

© Кода А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
На Мозаичной Миле	8
Анна	15
Танечка	17
Козырев	18
Анна	23
Первый приход Змея	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Красный Дом

Аррен Кода

© Аррен Кода, 2019

ISBN 978-5-4496-7867-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Существует легенда, что Атланты, жившие на Земле до прихода людей, вовсе не вымерли. Что великий потоп, поглотивший их земли, на самом деле – инсценировка, способ уйти в забвение, освободив свое место другим народам. Говорят, что на самом деле Атланты отправились в лучший мир, где всегда светит солнце, море теплое и изобильное, а деревья остаются зелеными круглый год.

Далеко-далеко, в бескрайнем океане, куда людям хода нет, есть огромный остров. На нем множество лесов и рек, скалистых гор и ревущих водопадов. Горы там богаты драгоценными рудами, в лесах много дичи, а любое семя, брошенное в землю, тут же всходит и дает плоды. В этом прекрасном краю и находится страна Атлантов.

Долгое время после своего ухода с Земли этот мудрый народ жил в спокойствии, отдыхая от невзгод и тягот земной жизни. Через специальные приборы Атланты наблюдали за людьми, пришедшими на их место. Довольно скоро им стало понятно, что их меньшие братья далеко не так умны и дальновидны, как они сами, и протянут люди, от силы, пару сотен лет, после чего перережут друг друга и вымрут. Казалось бы – какое великой расе дело до людей? Если сама Природа не смогла сделать их лучше, значит, в этом есть смысл и вмешиваться не стоит – так думали старейшины Острова, отвечавшие за гармонию и порядок. Но среди Атлантов были и другие – в основном, молодежь, родившаяся на Острове, – которые очень интересовались жизнью людей и мечтали хоть одним глазком взглянуть на них вблизи, а не через всевидящее Око. Они даже создали тайное общество желающих попасть на Землю. Общество потому и было тайным, что старейшины Острова не должны были о нем знать; впрочем, старейшинам и так обо всем было известно – ведь они были очень мудрыми – но, в силу мудрости своей, они знали: ничего во Вселенной не делается просто так, а потому сквозь пальцы смотрели на забавы юнцов.

Чтобы попасть в мир людей, нужно было построить особые Врата, соединяющие оба мира в единое целое. Для постройки Врат требовался редчайший материал тинатулан – камень, который можно найти только в самой пучине Океана Вечности. Достать тинатулан было очень трудно, но несколько отчаянных Атлантов из тайного общества решились на это, и после долгого и трудного путешествия в черные глубины они вытащили на поверхность несколько тинатулановых слитков.

Разумеется, и думать не стоило о том, чтобы построить Врата где-нибудь на Острове Атлантов – их бы тут же пришлось ломать. Поэтому молодые Атланты облюбовали небольшой архипелаг, находившийся достаточно близко от Острова, чтобы доплыть туда за один день, но достаточно далеко, чтобы кто-нибудь из посторонних решился на такое путешествие. Тайное общество разделилось на группы, где у каждой был свой Хранитель Врат, и каждая построила Врата – на своем острове.

После этого Атланты стали появляться на Земле. Многое им было непонятно, многому пришлось учиться. Не обошлось, конечно, и без жертв – ведь люди обычно плохо принимают новое. Но Атланты были упорны. Им нравились люди, и они изо всех сил старались им помочь. Так, постепенно, отсталая цивилизация начала развиваться, появились большие сильные государства, наука и образование стали важной частью жизни народа. Больше людей стало выживать, да и сами они жили дольше. Старейшины с Острова Атлантов, наблюдая за ними, диву давались, за сколь короткие сроки (ведь тысячелетие – ничто для цивилизации) человечество постигло столь многое.

Но, говоря о великой миссии своих детей, которые с восторгом занимались любимым делом, старейшины лишь печально качали головами и предрекали их начинаниям скорый конец. Ведь люди, по их мнению, по-прежнему оставались жестокими, во многом невежествен-

ными и беспощадными. Там, где одни строили великолепные дворцы невиданной красоты и невиданного размаха, другие подбирали под себя все, до чего могли дотянуться, до отказа набивая свой живот и закрома, а третьи, не делая ни того, ни другого, рушили все, что было создано, оставляя после себя только пепел выжженной земли. Старейшины увидели, что Атланты, помогающие людям, рано или поздно становятся рабами одной из этих групп. И однажды они решили, что стоит положить конец строительству Врат и всем этим путешествиям на Землю.

Но старшие Атланты были мудры и знали, что нельзя насильно подавлять ничью волю. Поэтому они договорились с мифическими Змеями, жившими в теплых прибрежных водах, что те будут всячески мешать их детям держать Врата открытыми. Если молодые Атланты смогут отстоять свои Врата, и их упрямство будет непоколебимым – что ж, на то воля небес. Если же нет – тем лучше для них.

И Змеи, послушавшись старейшин, поплыли в сторону архипелага, и с тех пор началась долгая и упорная война между ними и молодыми Атлантами, которые хотели снова и снова воплощаться на Земле. Множество раз Змеи крали обломки тинатулана, и множество раз Атланты возвращали их на место. Новые Врата открывались в новых местах Земли, и Атланты таким образом распространились по всему миру людей. Наконец Змеям надоело зализывать раны после бесконечных боев, и они заключили с Атлантами договор: Врата стоят на одном месте в течении ста двадцати лет, после чего Змей приходит и ломает их. Ни одна дверь не должна быть вечной, на ее месте должна либо появиться другая, либо не появиться вовсе.

На том и порешили.

На Мозаичной Миле

*Театр начинает жить,
Лишь только свет отбросит первую тень
Театр начинает жить, когда мы поем:
«День, день, день, день!»
(Алиса, «Театр Теней»)*

Красный Дом стоит на холме. Его древние печные трубы царапают небо наравне со спутниковыми антеннами, и по утрам солнце неохотно вползает на его блестящие крыши, усыпанные старой листвой и уличной пылью. Ветер воет в пустой колокольне домово́й церкви, с возмущением ударяясь о глухую стену, в которой некогда имелась дверь. С точки зрения ветра, Дом похож на большую черепаху, спрятавшуюся под своим панцирем.

Пологий холм у подножия превращается в непролазные заросли, в глубине которых еще виднеется проржавевшая ограда старого кладбища. Каменная дорожка исчезла под натиском лет, поэтому никто из обитателей Красного Дома уже не спускается сюда, предпочитая гулять по широкой подъездной площадке с западной стороны. Впрочем, к ограде можно подойти и со стороны улицы – там, где решетка совсем новая, выкрашенная в зеленый цвет, – однако подобный поход равносителен экспедиции на край света, поэтому мало кого интересует.

У ворот, на ржавой табличке, прибитой к забору, написано, что это учреждение научно-практического значения. При входе в здание на полу выложен из серой мозаики год основания, отсылающий к концу девятнадцатого века.

Третье хирургическое отделение. В широком коридоре пусто и гулко, оштукатуренные стены выглядят голо и скучно, со сводчатых потолков свисают толстые черные провода. За белыми окнами, выходящими на дорогу, шумит ветер, пригибая к земле молодые саженцы сирени, еще по-весеннему голые и черные, в островках подтаявших сугробов; противный мелкий дождик барабанит по карнизам и капает на нос больного, рискнувшего высунуться из окна на улицу. Половина одиннадцатого – мертвый час, когда таблетки уже розданы всем страждущим, когда второй завтрак уже развезли, а до обеда еще жить и жить. Молоденькая медсестра Светочка листает журнал, сидя на посту; рядом, зарывшись в ведомости, сидит Ольга Степановна, дежурный терапевт. Обе неспешно перетирают какую-то местную сплетню, и тонкая, едва заметная струйка голубого песка стекает со стола на выщербленный пол Мозаичной Мили, смешиваясь с бесконечными горстями других цветов.

Пациент закрывает окно и бредет в свою палату, сонно кляня носом. На нем серый спортивный костюм и нелепая белая рубаша. Все зовут его Итальянец – за характерные черты лица и манеру говорить; впрочем, родина его куда ближе чем западная Европа, и порой Итальянцу даже хочется, чтобы она была в другом месте. Ему глубоко за сорок, черные волосы, подернутые сединой, уже начали редеть на затылке, зубы пожелтели от дешевого табака. Глядя на себя по утрам в зеркало, Итальянец уже давно не одобряет своего лица – слишком длинное и худое, оно давно уже сменило здоровый загар на желтоватый оттенок и кажется старческим.

В комнате его ждут двое мужчин, таких же, как он, прооперированных неделю назад. Через пару дней им уже снимут швы, и можно будет съездить домой... Итальянец садится на подоконник и тяжело вздыхает: в его однокомнатной берлоге еще хуже, чем здесь – с тех пор, как жена собрала свои вещи и сбежала к матери. Нет, уезжать из Красного Дома бессмысленно – по крайней мере, здесь есть хоть какое-то общество.

Мокрый сизый голубь вскарабкивается на карниз после нескольких неудачных попыток спланировать на него красиво. Вопросительно воркует при виде костлявого человека в сером. Тот со вздохом открывает створку и протягивает ладонь, на которую взъерошенная птица

тут же с удовольствием перелезает. Другой рукой человек вынимает из кармана горсть семечек и предлагает нежданному гостю. Тот клюет.

– Ты ж мой хороший... – хриплым прокуренным голосом говорит ему Итальянец. – Чего расскажешь новенького дяде Саше?

Однопалатники начинают хихикать.

– Что, Сашка, еще не научилась твоя птица говорить? – усмехается из-под капельницы беззубый Степан, которому на той неделе удалили легкое. – Ну, ничего, голуби, небось, не тупее поугаев!

– Ты его лучше научи почту таскать, – вторит ему лысый Петр. – Или жратву из столовой. Хоть какая-то польза...

– Можно подумать, от твоего таракана польза какая-то есть, – огрызается Итальянец, поглаживая нахохлившегося голубя по мокрым перьям. – Только грязь разводить получается.

– Не трогай моего Геннадия! – возмущается лысый. – Он совершенно чистоплотный и безобидный!

– И все-таки таскать его в столовую и кормить из своей тарелки как-то чересчур – за наш стол все боятся сесть...

– А пускай говорит, что он любитель экзотической кухни! – веселится Степан. – И откармливает таракана на убой. Ты, Сашка, правильно делаешь: корми свою птицу получше, как настанет осень, так мы его зажарим и хорошенько поедим!

– Я вам дам – поедим! – Итальянец показывает им костлявый кулак. – Тащите свои задницы до столовой, не развалитесь!

– Так если бы там мясо давали, а то все котлеты из хлеба... – Степан обиженно зарывается в подушку.

За дверью отчетливо слышно, как грохочет по Мозаичной Миле санитарная тележка. Тележек здесь несколько, и среди пациентов каждая имеет свое название. Эту зовут Мама Хозяйка, оттого что ассоциируется с полнотелой румяной санитаркой, умело толкающей перед собой тяжелую дребезжащую конструкцию, на которой то лежит свернутый матрас, то стоят полные ведра воды. Есть еще Повозка Изобилия, на которой возят еду, и, конечно, Коляска Удачи, на которой пациентов возят в операционную. В последней есть что-то священное, и Миля еще помнит, как один историк, уезжая на ней, вспоминал строки из «Swing low sweet chariot»¹.

Мозаичной Милей коридор прозвали за то, что пол его выложен бледно-желтой мозаикой с редкими вкраплениями узоров. В конце девятнадцатого века, когда Красный Дом только построили, это выглядело красиво, но теперь куски мозаики местами выщербилась, и бреши неаккуратно замазали цементом. Когда-то давно один из забытых уже пациентов, начитавшись Стивена Кинга, сравнил коридор больницы с Зеленой Милей и был отчасти прав: по нему тоже возили – пусть и не на казнь – но в оперблок, в другой мир, после которого каждый больной возвращался немного другим. Или не возвращался вовсе...

Мама Хозяйка скрывается за поворотом, неся легкий запах химии в оперблок. Белый перекресток между тремя белыми одинаковыми дверьми с матовыми стеклянными вставками совершенно тих и безлюден. Кажется, что суету наружного мира из этой части коридора выпустили, как воздух из герметичного шлюза космического корабля.

Ровно в одиннадцать одна из дверей резко распахивается, и из белого помещения выходят двое хирургов. Один тут же прислоняется к стене и сползает по ней на пол, другой остается стоять, но видно, что ноги его под серой форменной робой сильно дрожат. Тот, что сидит на полу, вытаскивает из кармана бутылку воды и жадно выпивает ее всю, запрокинув голову. Дверь открывается снова, и санитары выкатывают длинную дребезжащую каталку, на которой

¹ «Качайся плавно, прекрасная колесница» – отсылка к афро-американским христианским гимнам XIX века

лежит укутанный в плотный голубой кокон крепко спящий пациент. Вслед за каталкой спешат анестезиолог и медсестра, держащая навесу капельницу. Процессия скрывается за двойными дверьми, ведущими в реанимацию; чуть погодя из операционной выходит мрачный долговязый врач, на ходу снимая маску и вытирая рукой лицо. Двое мужчин провожают его отсутствующим взглядом, по коридору раздается их единый усталый вздох.

– Он-таки дорвется когда-нибудь, – низким голосом говорит старший хирург и точным движением посылает пустую бутылку в полет до мусорного ведра. У него смуглое грубое лицо, заросшее серебристой щетиной, и короткие седеющие волосы; он совершенно спокоен, несмотря на то, что сегодня из-за нерасторопности одного из ассистентов он чуть не потерял пациента. А вот его молодой коллега зол. Темные глаза его похожи на смотровые щели, а кулаки больших натренированных рук то и дело сжимаются и разжимаются.

– Таких врачей, Константин Львович, нужно увольнять в первый же день, – сквозь зубы произносит молодой. – С ним уже не в первый раз выходит осечка. Золотой скальпель года, блин!

– В этот раз ему не отвертеться, – удовлетворенно отвечает старший. – Уже не получится все свалить на простую ошибку. Демьянов не сможет вечно покрывать своего протеже, уж я об этом позабочусь. Завтра же подниму вопрос на собрании – о том, кого он рекомендует на вакантные должности, и о компетентности в целом...

– Я бы поднял вопрос об его собственном отстранении, – бурчит молодой. – Уже всем давно ясно, что главврачом должен быть кто-то другой. Всем ясно, кроме самого Демьянова.

– Ничего, он уже стар, ему и так скоро на пенсию, – усмехается старший хирург, вставая и поправляя халат. – Пойдем, Леша. Чего на полу сидеть.

– Просто суперстар... – бурчит его коллега, и оба покидают оперблок. Впереди много работы.

Большие круглые часы над постом медсестры с черно-белым изображением Мерилин Монро на циферблате показывают одиннадцать. Тут и там раздаются шаги и кашель, со скрипом открываются белые двери палат, и поток людей в спортивных костюмах медленно вытекает на Милю. Шаркая тапочками и оживленно переговариваясь, пациенты направляются в столовую, расположившуюся в домово́й церкви, в самом сердце здания. Второй завтрак. Время встреч и скудных новостей, которых обитатели клиники тем не менее очень ждут – это главное развлечение после кроссвордов и игры в карты с однопалатниками. Неторопливо проходят в гулкое помещение церкви, напротив которого в коридоре выложена на полу мозаичная звезда Давида. Хор голосов взлетает к гулкому голубоватому своду, украшенному немногочисленными фресками. Тускло горят две свечи у небогатого алтаря, пыль оседает на открытый молитвенник, лежащий на деревянном аналое. В годы революции церковь была разграблена, колокола и крест сняты, а помещение превращено в военный штаб. Потом, конечно, отреставрировали, крест и иконы вернули на место, но церковь так и осталась недоделанной. Пустая колокольня молчит, службы проходят тихо и скомкано, не чаще раза в неделю. Беспризорный вид церкви дополняют поцарапанные пластиковые столы и черные банкетные стулья, расставленные в два ряда; в боковые помещения ведут облезлые деревянные двери с прибитыми к ним табличками: за неимением свободного места здесь сделали кабинеты врачей. Справа от входа белой коробкой отгорожена кухня, где в стене имеется окно с широкими ставнями. Через него больным выдают мокрые зеленые груши из большого черного ведра – по одной в каждые руки. Фрукты кислые и жесткие, грызть их тяжело и, в общем, их никто в Доме и не ест; однако в поход до столовой все идут обязательно: можно считать это неким важным ритуалом, без которого и без того тягучая жизнь здесь теряет всякий смысл.

– Кирилл Иваныч, ты у окулиста был? – раздается из ближайшего угла.

– Да все никак не дойду... – старичок в синей клетчатой пижаме протягивает стакан компота, добытого из чана, пожилой женщине в махровом халате. – Как ваши дела, Надежда Михайловна?

– Да поясницу с утра схватило... – оба ковыляют в направлении своих палат.

Время здесь не измеряется часами и минутами. Это бессмысленно – доверять механизму измерения отрезков вечности, которые каждый пациент держит в своих руках. У кого-то этот отрезок длиннее, у кого-то короче. Кто-то измеряет время в выпитых стаканах воды и ходьках к кулеру в течение дня. Кто-то подсчитывает прочитанные книги и журналы и с уверенностью может сказать, что происходило в Красном Доме пять книг тому назад. Некоторые меряют свою вечность с помощью повторяющегося меню в столовой, другие – встречами с лечащим врачом, третьи – количеством поставленных капельниц. Завтрак, второй завтрак, обед, полдник и ужин – общая мера для всех. Неделя начинает заканчиваться в среду, когда медсестры собирают от больных заявления на уход из больницы в выходные. Четверг не считается, поскольку он предшествует пятнице, а пятница не считается, поскольку отпуск начинается сразу после утреннего обхода. Разумеется, для тех, кто вынужден оставаться в больнице на выходные, меры времени другие, но их утешает мысль, что дело уже идет к выписке. Время измеряется партиями в нарды и шахматы. Количеством подач на столе пинг-понга. Измеряется людьми, прошедшими через мозаичные коридоры Красного Дома. Состав одной палаты определяет целую эпоху; когда на смену им приходят другие пациенты, они приносят с собой и новую эру. Меняются традиции и истории, старое забывается. Одно лишь остается неизменным: порядок, который, как часовой механизм, разбрасывает всех по одному и тому же кругу. Те же записи появляются в архивах, только под новыми именами, те же процедуры делаются, те же диагнозы ставятся. Даже пески, заметающие Мозаичную Милю, с годами не меняют своего цвета. И в этом Красный Дом похож на остров, застывший посреди вечности, ставший ее неотъемлемой частью.

Старожилы больницы измеряют время песком. Любого пациент – это история, которая раз за разом обрастает новыми подробностями. Люди, узнав о своей болезни, поступают сюда разбитыми – острые осколки их душевных ран и переживаний торчат в разные стороны, можно и порезаться. Но постепенно бесконечные разговоры перемалывают осколки в песок. Песок этот невидим для большинства окружающих, ведь умение видеть приходит только со временем. Каждый человек, рассказывающий в Красном Доме свою историю, оставляет песок своего цвета. Незаметный, он скапливается в палатах и коридорах, разносится людьми и тележками по всей Мозаичной Миле. Врачи и медсестры носят его горстями в карманах и делятся им друг с другом. Весь Дом полон песка, как морское дно. Кстати, спроси любого здесь – и каждый скажет, что скучает по морю. О, в этих стенах только и разговоров, что о море! Но оно запрещено для них, поскольку отдых на жарком пляже разгорячает организм, заставляя болезнь вспыхивать с новой силой. Выздоровливающим остается только ждать и надеяться, что годы спустя они все-таки смогут позволить себе осуществить мечту...

В Красном Доме нет социальных различий. Кем бы ты ни был в жизни, сколько бы ни зарабатывал, чем бы ни занимался – болезнь всех приводит к общему знаменателю. Она стирает прошлое и дарит настоящее, а потому многие, выйдя отсюда, считают себя перерожденными и ведут свои годы от новой точки отсчета. Здесь бесполезно притворяться. Бесполезно бравировать. Кажется, что витающий в воздухе призрак смерти сам расставляет всех на свои места, и люди, попав в стены Красного Дома, наконец-то становятся настоящими. Перестают врать себе. Выпутываются из шелухи условностей, отбрасывают маски. Кто-то теряет веру в бога, считая, что он от них отвернулся, кто-то, наоборот, начинает верить – в бога или в себя. Большинство на протяжении долгого времени мучают себя вопросом, почему все это произошло именно с ними и постоянно проговаривают вслух свои истории в поисках какой-то фатальной ошибки. Именно поэтому на Мозаичной Миле так много коричневого песка – историй,

которые так ничему и не научили своих хозяев. Тем же, кто знает, из-за чего они попали в Красный Дом, жизнь здесь дается легче. Им кажется, что в Доме они познали истину, которая потом будет всю жизнь оберегать их от всех бед. Они так же ошибаются, как и все люди на свете.

Полдень – час оживления. Время, когда, належавшись вдоволь, мужики тянутся на свежий воздух. Дождь закончился, и у крыльца толпятся группки народа. Зябко переступая ногами в хлипких тапочках на мокром асфальте, люди стреляют друг у друга сигареты, болтают, матерятся и шмыгают носами, а над ними вьются сизые клубы дыма. Тем временем старики и молодежь выбирают из палат на Милю, занимая продавленные кресла и дежурный диван, стоящие вдоль стены. Режущий белый свет из окон подчеркивает нездоровую бледность их лиц и мешковатую одежду, делающую ноги короткими, а животы отвисшими. Одни фигуры слишком дряблые, другие чересчур худые. Если приглядеться, то можно увидеть, что у старых больных, что живут здесь уже много месяцев, совсем не заметно тени. Это не удивительно – ведь, проходя через Врата приемного покоя, каждый оставляет плату за вход в Красный Дом, и эта плата – тень, которая остается на пороге. Со временем она погибает, а человек становится ее подобием; приобретает неслышный шаг и способность мгновенно исчезать из вида, сливаясь с обстановкой. Пациенты так и называют себя – Тени. Каждый, сидящий на Мозаичной Миле сегодня и всегда, – лишь призрак самого себя. Когда человек долго живет в больнице, его личность от непрестанной скуки блекнет и отходит на второй план, а на первый выходит тело, которое стремится сделать свою жизнь максимально удобной. От постоянной расслабленности горбятся спины и опускаются плечи. Хорошие манеры за столом быстро забываются – голод и желание побыстрее лечь обратно в постель заставляет есть быстро, заглатывая пищу почти не жуя. Одежда постоянно находится в беспорядке, а речь становится грубой и бедной.

Пациенты в хирургии делятся на два вида. Первые – Ждущие, то есть, те, кто находится на длительном лечении перед операцией. Вторые – Ходоки, уже пережившие операцию. Назвали их так оттого, что после реанимации они много ходят по коридору с дренажными банками наперевес, разрабатывая мышцы. Все Ходоки носят белые казенные рубахи, в которых удобно ходить на перевязку.

Тени сразу же отличают своих от чужих. Многим из них свойственна развинченная походка и готовность в любой момент приземлиться на какой-нибудь выступ, скамейку, подлокотник или просто на пол – болезнь требует экономить силы. Характерным является пустой неподвижный взгляд, который Тени могут устремлять в пространство перед собой, словно теряя себя в реальности. Они могут стоять группой в коридоре и оставаться незамеченными. Они вечно голодны и чудовищно любопытны. Могут сделать все, что угодно из чего угодно, достать и пронести в больницу любую вещь так, что персонал об этом даже не заподозрит. Органы чувств у Теней обострены настолько, что им достаточно одного мгновения, одного мельком брошенного взгляда или услышанного слова, чтобы узнать о человеке, кто он, о чем думает и куда направляется. Даже не покидая стен родной палаты, они знают абсолютно все о том, что происходит в Красном Доме. Больше всего на свете Тени любят слухи и сплетни, узнают и разносят их с огромной скоростью, словно вирус. Они ничего не боятся, поскольку в этих стенах становятся свидетелями многих страшных вещей. Можно сказать, что Тени легкомысленно относятся к смерти, поскольку постоянно чувствуют ее рядом с собой. У Теней очень черный юмор, и в большинстве своем они большие фаталисты. Жизнь кажется им смешной, границы реальности – размытыми. Тени склонны смеяться, плакать и гневаться незначай, без видимой на то причины. Они свободно демонстрируют свое истинное нутро, обычно скрытое под масками социальных норм, и во всем этом – в своем мировоззрении и поведении – Тени самые свободные люди на свете. Окружающим они кажутся ненормальными, и каждый новый пациент, во все эпохи Красного Дома, при виде своих соседей, внутренне обещает себе не становиться подобным им – и неизменно становится, в совершенстве овладевая навыком терпения и умением проматывать время. Таков порядок вещей. Возможно, именно прожива-

ние полудикого состояния Тени и приводит людей в дальнейшем на верный путь излечения. Впрочем, это всего лишь одна из теорий, к которой год за годом возвращаются местные психологи...

После двенадцати большинство операций заканчивается, и коридор наводняют хирурги. Рослые, широкоплечие, с большими руками, в серых, зеленых и темно-синих робах, в прямоугольных шапочках. У них внимательные глаза и грубоватые лица, громкие раскатистые голоса и специфические шуточки; они всегда называют вещи своими именами, порой убийственно прямо. Они – словно источники жизни для своих пациентов. Стоит им появиться на Миле, и тут же раздаются крики: «Здрасьте, Алексей Петрович!», «Константин Львович, можно к вам?», «Сергей Николаич, отмените мне таблетки!». Угрюмые оскалы Теней превращаются в искренние улыбки, на короткое время они вновь становятся обычными людьми, которые волнуются, радуются и нетерпеливо ждут.

Врачи могут покидать Красный Дом и возвращаться в большой мир, из которого потом приносят на себе его частичку – новые запахи, анекдоты и истории. Для Теней наружный мир опасен и чужд. Будучи погруженными в себя и в жизнь замкнутого социума больницы, они не воспринимают его, как реальный. Но то, что приносят с собой врачи, пропущенное через них самих, Тени легко принимают, и эти частички мира становятся для них близкими. Связано это с тем, что лечащий врач для пациента – что-то вроде бога, и любой дар, полученный от него, – пусть это всего лишь слово – принимается, как большая ценность. Главное, чтобы это слово было добрым – и тогда любая, даже самая циничная Тень будет доверять тебе; работники больницы знают этот секрет.

Врачи – главная тема обсуждений для больных. Про них складывают легенды и рассказывают самые фантастические байки. Каждого знают во всех деталях. К примеру – заведующий Третьим хирургическим отделением, Константин Львович Козырев. Это высокий смуглый господин лет пятидесяти, с грубоватым, часто небритым лицом и светлыми глазами. У него негромкий голос, говорит он коротко и всегда по делу, чуть улыбаясь уголком грубого рта и глядя всегда по-доброму. Под халатом он носит потертые джинсы, а в послеобеденное время, когда доктору Козыреву случается дежурить, его можно встретить в коридоре с наушниками от плеера, из которых слышатся звуки старого рок-н-ролла. Он наблюдает за всем, что происходит в отделении, и знает все обо всех, хотя делает вид, что ему это не интересно. У Козырева отличное чувство юмора и, в отличие от большинства коллег, в нем совсем нет хирургического цинизма.

Еще есть Алексей Петрович Тарасов – крепкий молодой хирург, которого многие путают с фельдшером или санитаром – с таким непринужденным видом он разгуливает по коридорам, то и дело заговаривая с кем-то. В любом месте, где он появляется, тут же начинается столпотворение: все больные и даже медсестры сползаются, чтобы послушать его байки или просто оказаться в центре его внимания. Визиты его всегда сопровождаются громким хохотом, и после общения с доктором Тарасовым даже самые пессимистичные пациенты вспоминают, что в жизни все не так уж плохо. Впрочем, впечатление того, что Тарасов свой в доску, обманчиво: под маской простого деревенского парня прячется чуткий психолог, точно знающий, как расположить к себе любого человека. Вот он улыбается и несет всякую ерунду, а неподвижные карие глаза в упор смотрят на пациента, подмечая любое его движение. Пожалуй, к доктору Тарасову всегда самая длинная очередь на консультацию – потому что он знает, какие найти слова и как заставить себе доверять.

Сергей Николаевич Тесарь – высокий старик с мрачным морщинистым лицом, которого за глаза, конечно, называют Цезарем – из-за фамилии и за то, что имеет важный вид. Тесарь немногословен, по утрам, идя по Мозаичной Миле, он едва отвечает на приветствия, все время глядя в необозримую даль перед собой и заложив руки за спину. Про Тесаря ходит много слухов – к примеру, о том, что он уже который год ищет старинный клад на территории больнич-

ного сада и по ночам, во время своих дежурств, достает из шкафа спрятанную лопату и идет копать. Клад никак не находится, а оттого Тесарь в печали. Впрочем, на самом деле в печали он совсем по другой причине, а именно той, что слишком уж быстро опустела за минувшую ночь четвертушка водки, припрятанная под столом в ординаторской. Свое пристрастие доктор Тесарь старательно скрывает, но коллеги, конечно же, в курсе. Козырев подумывает о его увольнении, но всякий раз откладывает решение, видя, как хорошо он управляет в операционной. Некоторые больные побаиваются ходить к нему на прием, хотя внешне мрачный Тесарь на деле вполне дружелюбен и даже может отмочить шуточку похлеще доктора Тарасова.

Михаил Семенович Вахрушин – плотный голубоглазый шатен с круглым лицом и вечно надутыми губами, с помощью которых он пытается придать своему лицу серьезное выражение. Для большей солидности он даже надевает маленькие квадратные очки в тонкой оправе, что является любимой темой подколов и шуточек со стороны доктора Тарасова. С Тарасовым они учились в одном институте, только Вахрушин был на курс младше. Здесь, в больнице, Вахрушин работает над своей кандидатской по торакальной хирургии и полагает, что диссертация поможет ему утереть нос бывшему товарищу по учебе, который, по его мнению, только и умеет, что хохмить и вовсе не интересуется наукой. С пациентами доктор Вахрушин общается редко, предпочитая рабочее время между операциями проводить за компьютером, поедая булочки, заботливо уложенные в сумку его женой.

И это – врачи Третьей хирургии, а ведь есть еще доктор Цаплин, заместитель главного врача, похожий на большую печальную птицу, доктор Русаков из Второй, умеющий насвистеть любой мотив, доктор Венский из Первой, с пышными капитанскими усами, и многие, многие другие – терапевты, рентгенологи, анестезиологи, медсестры, фельдшеры и санитары. Все они – плоть и кровь Красного Дома, фанаты своего дела, в чем-то не от мира сего, в чем-то – самые нормальные люди на свете. Старые больные клиники говорят, что здешний персонал – вечные заключенные Красного Дома, которые, выпуская на волю здоровых людей, не могут покинуть свой пост.

Между врачом и пациентом всегда существует связь. Без нее невозможна работа в команде. Создание связи – это как признание в любви – событие, глубоко личное для обеих сторон. Если им не повезет, то пациент будет беспокойным, станет жаловаться на своего врача и, в конечном счете, может даже умереть на операционном столе. Но если же все пройдет удачно, то между ними протягивается незримая, но прочная нить, которая не рвется до самого конца их общей миссии. Некоторые врачи знают об этом явлении, но не хотят превращать его в ритуал, стремясь проделать все как можно быстрее. Небрежно, почти пинком открывается белая дверь, монотонно произносится представление – и вот уже доктор снова за порогом, и видно только широкую спину, маячащую где-то в конце коридора. Старики говорят, что в пасмурный день, если взглянуть на них полузакрытыми глазами, можно увидеть призрачные нити, уходящие в разные стороны из их тел – связь с теми, чью жизнь они взяли спасать. Когда врач идет по коридору, он словно продирается сквозь паутину, которая тянется из-за белых дверей, пытается его поймать, но не ловит...

Анна

*Случалось, что боги и простые смертные
спускались в царство теней и находили путь обратно.
Но обитатели аида знают,
что однажды вкусивший от плодов их царства
навсегда остается им подвластен
(Томас Манн, «Волшебная гора»)*

Девушка с короткими белыми волосами входит во двор через проходную, и охранник, кажется, кивает ей – хотя откуда он может ее помнить, если мимо его подслеповатых глаз каждый год проходит столько лиц? Она медленно идет вдоль древней красной стены, считая шаги и стараясь, чтобы сердце не забило быстрее, – но куда там! – оно колотится о ребра, как сумасшедшее, и ноет, ноет...

Девушку зовут Анна, ей двадцать пять лет, и она здесь уже во второй раз.

Спросите, чего Тень боится больше всего? – покинуть дом, где так легко проходят ее дни. Спросите, чего больше всего боится бывшая Тень? – вернуться в этот дом снова.

Арочные окна выстраиваются, как кажется Анне, в подобие злорадного оскала. Вот и боковой вход. Быть может, если прошмыгнешь в него, а не пройдешь через главный, то избежишь большой беды. На лестнице пахнет сыростью, в коридоре – камфорным спиртом и резиновыми перчатками. Все так издевательски знакомо, что чудится, будто время и не сдвигалось, и на дворе все те же пять лет назад... Анна передергивает плечами. Вполне может статься, что так оно и есть.

Миля встречает ее выщербленными мозаичными плитами, которые, кажется, всасывают в себя тусклый солнечный свет, пробивающийся через оконные стекла. Вот она, скамья ожидания напротив церкви. Местные никогда не садятся на нее – дурная примета. Анна со вздохом опускается на вытертую серую клеенку. Ждать приходится долго.

В Красном Доме начинается завтрак, длинная вереница больных втягивается в узкий дверной проем; некоторые бросают взгляды на Анну, но в них нет ничего – ни сочувствия, ни удивления. Скорее, констатация факта – всем ясно, что вскоре она присоединится к ним.

Анна перебирает в сумке документы, вспоминая события последних нескольких дней. Когда-то давно все это уже было пройдено – консультации, врачи, процедуры. Тогда все обошлось, затихло на несколько лет, и семья вздохнула с облегчением: дочь полностью здорова, теперь можно подумать о свадьбе, а там, глядишь, и о детях. И свадьба действительно была – пусть не пышная, но по-домашнему теплая. Казалось – счастье будет теперь всю жизнь, но брак продержался недолго: всего через полтора года муж ушел к другой женщине, причем ушел со скандалом, на чем свет попрекая молодую жену, что она жизни ему не дает. После развода Анна слегла с тяжелой простудой. Мучила слабость, держалась температура, что-то сдавливало грудь. Врачи посоветовали сделать флюорографию, на всякий случай. Там и увидели, что в легких снова развился процесс и требуется серьезная операция.

Первой мыслью было, конечно, вернуться сюда – в знакомую больницу, где ее лечили пять лет назад, но старший брат Кирилл настоял на поездке в центральный институт. Анна с содроганием вспоминает облезлые серые стены и длиннющую очередь к дежурному врачу. Врач – грузная тетка с пышной прической – не торопилась приглашать к себе в кабинет. Медленно тянулось время. Хлопали двери, бегали туда-сюда доктора, не обращая внимания на взволнованных посетителей, шуршащих желтоватыми бумажками со справками и направлениями. Было слышно, как в соседнем кабинете беспрерывно звонит телефон, фальшиво копируя знаменитую «К Элизе» Бетховена: кто-то отчаянно пытался дозвониться до приемной,

но никто не отвечал на звонок – всем было наплевать. Наконец, спустя три часа, когда брат уже безнадежно опоздал на работу, их с Анной пригласили в кабинет. Врач сразу заявила, что операция противопоказана и следует немедленно переходить на усиленный режим химиотерапии. Сидящая рядом с ней полумертвая женщина-хирург с бледным высохшим лицом вяло подписала отказ от вмешательства. Когда Анна и Кирилл вышли из кабинета, брат крепко взял ее за руку и сказал, что этим людям никогда не доверит свою сестру.

И вот она снова здесь, в Красном Доме, где все так до боли знакомо, будто бы она уехала отсюда вчера. Примерно через час доктор Цаплин возвращается с консилиума и небрежным жестом зовет Анну в свой кабинет, находящийся прямо в домовая церкви. Небольшая полутемная комната с окнами высоко под потолком. Здесь почему-то пахнет болотом; на широком острове стола много места занимают разноцветные фарфоровые лягушки – их так много, что можно было бы открыть небольшой магазин. У стены стоит огромный пустой аквариум с дном из высохшего ила и искусственными корягами. Аквариум производит жутковатое впечатление, и неясно, почему. Доктор Цаплин с усталым и озабоченным видом просматривает снимки. Он немногословен, но в том, что он говорит, ничего хорошего нет. И видно, что он заранее счастлив, что не возьмется за это дело – Цаплин давно уже не практикующий хирург, а помощник главного врача. Он определяет Анну в ее родную Третью хирургию, убеждая себя в том, что там девушка будет счастлива, насколько это вообще возможно.

И вот через несколько дней Анна оказывается в мрачной палате с облупленными желтыми стенами. Четыре койки, застеленные серыми пледами, единственная не занятая из которых – рядом с гудящим холодильником. Две соседки – Надежда Михайловна и Кристина – встречают девушку вялыми приветствиями и вновь утыкаются в кроссворды. Четвертая соседка где-то гуляет – ее скоро выписывают. Анна уже заранее знает, что проживет в этой палате несколько смен, поэтому не торопится знакомиться поближе. Неторопливо разбирает вещи, вполуха слушая наставления дежурной медсестры, которая то и дело прибегает, чтобы рассказать все необходимое новичку. Объяснять ей, что она и так все знает, Анна не собирается – вон, с каким энтузиазмом пожилая медсестра взялась за работу, не лишая же человека радости.

Только Анна собирается подремать перед обедом, как в коридоре раздается громкий топот, дверь резко распахивается, и в палате появляется Доктор Тарасов. Анна помнит его – пять лет назад это был мрачный молодчик, острый на язык, вечно не выспавшийся и небритый, верный помощник доктора Козырева, который в ту пору занимался ее лечением. Теперь его не узнать: за прошедшее время доктор Тарасов раздобыл и научился улыбаться.

– Привет, помнишь меня? – осведомляется он. – Вот ты и попала мне наконец-то!

– Конечно, помню, – усмехается девушка. – Вот, вернулась исправлять ошибки юности.

– Ай, признайся, что просто соскучилась! – хирург смеется и подает ей руку, без лишних проволочек протягивая невидимую нить. – Константин Львович попозже сегодня будет, можешь поздороваться. Но я надеюсь, что со мной тебе тоже скучно не будет.

– Это уж точно...

– А зачем ты волосы в белый покрасила? – сварливо осведомляется доктор. – Я этот цвет не люблю!

– Ну да, как же, вам ведь рыженькие нравятся, как в «Пятом Элементе»... – Анна деланно вздыхает. – Видно, не быть мне вашей любимой больной.

– Ничего, найдем точки соприкосновения! – Тарасов подмигивает своей новоиспеченной пациентке и быстро уходит. Анна и сама не замечает, что улыбается до ушей.

Танечка

Как только Таню разместили в палате, в больнице началась эвакуация.

Дежурная медсестра с фонарем в одной руке и с противогазом в другой вывела всех на улицу через черный ход. Больные шли организованной группой, громко переговариваясь и хихикая; они явно получали от происходящего огромное удовольствие и постоянно отпускали шуточки насчет горящих верхних этажей и выпрыгивания из окон. Какого-то мужика везли по коридору в инвалидной коляске; он был в белых чулках и со свертком в руке, и он громко ругался на медсестер, говоря, что они не имеют права срывать его с операции из-за каких-то дурацких учений. Медсестры мужика не слушали, просто чинно выкатили коляску на крыльцо и оставили там.

Галдящая толпа жалась на пронизывающем апрельском ветерке. Многие курили, над головами стелился вонючий дым. Под конец на дворе появились врачи в белых халатах, тоже чем-то страшно довольные. Они встали в ряд у крыльца, закрыв своими спинами весь этот балаган, и самый рослый из них, который говорил больше всех, сделал коллективное селфи. После чего все дружной толпой втянулись обратно в корпус. Наблюдавшие за этим из-за ограды случайные прохожие разочарованно поползли к автобусной остановке.

Танечка смутно помнит свое поступление. Сначала долгое ожидание в приемном покое с сумками и пакетами. Затем – длинные очереди на процедуры, в которых царило гробовое молчание: люди на скамьях сидели неподвижно, словно статуи, уткнувшись взглядом в стену и даже не переговариваясь друг с другом. После – неудобная палата и ее кровать в углу. Хмурый старик доктор, скомкано проводивший ознакомительную беседу. Он сказал, что нужно полное обследование, чтобы понять, как лечить. Насчет уходов домой можно было даже и не мечтать.

Соседи – не улыбочивые, придавленные несчастьем женщины. Из них самой доброй оказалась Аня – девушка, смутно похожая на какую-то певицу. Она давала Танечке свой ноутбук на выходные, разрешив смотреть на нем сериалы.

Здесь страшно. Это первое, что Таня говорит психологу, придя к нему на обязательную консультацию. Психолог уверяет ее, что бояться нечего – все местные врачи прекрасно знают свое дело. Четыре часа девушка изливает ему душу, рассказывая о своей грустной судьбе: только-только заканчивается одиннадцатый класс, на носу экзамены и поступление в университет, а теперь – ни экзаменов, ни аттестата, ни шансов на светлое будущее! Психолог уговаривает смириться и потерпеть: аттестат она получит и так, а экзамены можно сдать и в следующем году, было бы здоровье.

Таня часто плачет в подушку. Видеть никого не хочется – ни маму, ни отца, ни брата. Ей очень жаль, что так вышло, что все они так сильно переживают из-за нее. Таня вспоминает, как часто они ругались раньше из-за учебы и домашних дел, и теперь ей стыдно как никогда за свои слова. А что, если ее уже не вылечат?! Александр Андреевич, солидный высокий доктор в блестящих очках, сказал на консультации, что дело запущено и есть угроза жизни. При этих словах мама чуть в обморок не упала – к счастью, брат поддержал ее. Нужна операция – но как с этим смириться? Танечка всю жизнь боялась даже палец уколоть для анализа, а тут – целая операция! Что, если из нее вытечет слишком много крови? Что, если ей случайно перельют не ту? Что, если наркоз окажется таким сильным, что она после него не проснется?.. Местные больные, которых здесь почему-то называют Ходоками, с удовольствием делятся с Танечкой своим опытом. За неделю она успевает наслушаться такого, что по ночам ей снятся кошмары, а днем кусок в горло не лезет, и даже профилактические уколы уже не производят впечатления.

Козырев

*Если скажут они – ну и что, что погаснет один
Огонек в небесах с миллионами звезд?
Он мерцает, мерцает, но есть ли
Кому из нас дело до чьих-то сочтенных часов,
Если все мы – лишь миг, или меньше
Заметит ли кто, что погаснет один огонек?
Я замечу.
(Linkin Park, «One more light»)²*

Операционная. Светло-бежевые стены и белые, до зеркального блеска начищенные плитки пола. Для Атлантов, вечных обитателей Красного Дома, эта комната – святилище и точка сосредоточения. Если для всех остальных хирург приходит сюда, чтобы спасти больного, то для самого себя Атлант в операционной очищает собственную душу, оставляя за створками дверей всю тяжесть, тянущую к земле его усталое сердце. Именно здесь находятся Вторые Врата, еще один порог, который человек пересекает, оказавшись на затянутом голубой клеенкой столе. Первые Врата находятся в приемном отделении, и проход сквозь них означает лишь неприятности и легкое сумасшествие. Пройдя Вторые Врата, пациент либо умирает, либо навсегда уносит с собой метку Красного Дома, потеряв часть себя и обретя взамен что-то более ценное. В любом случае, именно через эту комнату люди покидают больницу, только одни еще долго топчутся в коридорах, а другие нет.

Для каждого хирурга операционная выглядит по-своему, ибо каждый приносит в нее собственную атмосферу. После тщательной стерилизации и кварцевания помещение полностью нейтрально, но стоит открыться белым створчатым дверям с круглыми окошками-иллюминаторами – и вот она заполняется людьми в разноцветных форменных робах. Открываются окна, впуская резкий запах скошенной поутру травы и дорожной пыли с парковки. Включается радио. Каждый врач выбирает свою волну. Козырев оперирует под звуки старого рок-н-ролла, Тесарь – под современный джаз, Тарасов – под русский рок, Вахрушин – в полной тишине и с закрытым окном (отчего вся бригада успевает вспотеть еще в начале операции). Когда хирург широким шагом заходит в комнату, держа перед собой руки, его настрой тут же передается остальным. И это —результат постоянного глубокого сосредоточения, в котором он находится даже во время сна, годами выработанное искусственное состояние, которое служит щитом и поддержкой в работе для него самого и для всех, кто рядом. Идя в операционную, Тесарь будто бы рассеян и замкнут, Тарасов – будто бы слегка разозлен, Вахрушин – расслаблен и весел.

Козырев всегда собран. Есть много способов настроиться на предстоящую тяжелую работу – пожалуй, столько же, сколько хирургов в этой клинике. За долгие годы Козырев железно выработал для себя один безотказный: представлять в своей голове яркий белый свет, обступающий со всех сторон, отсекающий все лишнее. В этом свете сгорают сомнения и страхи, остается лишь голая суть вещей, и тогда уже ничто не заслоняет старшему Атланту его истинное зрение. Он видит всю операционную, как единое целое, и его задача – сделать так, чтобы работа слаженного механизма не сбилась и не застопорилась.

Сегодня оперирует Алексей Тарасов. На столе тяжелый больной, настолько, что в этот раз даже радио играет еле-еле. В такой ситуации важно все, даже движение воздуха, поэтому сестры стараются дышать в сторонку, чтобы не отвлечь хирурга от задачи. Производится уда-

² Пер. Авт.

ление левого легкого. Нужно наложить лигатуру на крупные сосуды и пересечь их так, чтобы лишний раз не задеть сердце больного, которое судорожно бьется в широком разрезе. Сама по себе техника обработки сосудов у Тарасова отработана блестяще, но есть другая трудность. Невидимые взгляду непосвященных, в открытой ране копошатся целых три черных нори. Одна из них плотно присосалась к корню легкого, и с ней, пожалуй, проще всего; а вот две другие решили захватить аорту и верхний левый бронх. Это мешает быстро обезопасить операционное поле от кровопотери, а ведь времени терять нельзя: сердце у больного работает с перебоями, давление постепенно понижается, и пусть анестезиолог и медсестры то и дело вводят в катетер новые порции крови и укрепляющие средства, надо спешить.

Отделить от живой ткани организма злобную нори, напитавшуюся его соками, – все равно, что удалить небольшую опухоль. Скользкое черное существо, по сути, состоящее из слизи и пучка нервов, образующих что-то вроде спинного мозга, плотно присасывается к органам наподобие пиявки. Изрезать ее скальпелем – значит, заразить ядовитой черной слизью весь организм. Идеальный выход – пересечь ее мозговой центр, напоминающий вареную горошину. В этом случае нори будет парализована, и ее можно будет полностью вытащить простым зажимом.

Первую Тарасов вылавливает сразу и брезгливо бросает в подготовленный пакет, который тут же завязывают тугим узлом. Берет новый стерильный зажим – старым в рану лезть уже опасно – и медленно подбирается к центральной артерии, расширив отверстие еще на пару сантиметров. Щупальца нори уходят вглубь организма, и нельзя с уверенностью сказать, насколько они длинные. У средней нори ложноножки могут быть размером с палец, а могут быть и с руку взрослого человека. Их количество постоянно меняется, и отдирать их – все равно, что отрубать голову мифическому змею: на ее месте тут же вырастут еще две. Бригада заметно нервничает, и лишь хирург сохраняет внешнее боевое спокойствие. Доктор Тарасов очень точен в расчетах, Козырев всегда отмечал это. Про таких говорят – руки золотые, но, применительно к Атланту, вернее другое: чувства очень острые. Пальцы – часть его разума, дополнительные глаза, которые куда острее обычных. Короткое движение скальпеля – и вот еще одна тварь с отвратительным писком бьется между браншами зажима. Но тут же появляется новая опасность: один из сосудов поврежден, и больной теряет кровь. Тарасов успевает ухватить его пальцами левой руки, а правой, стараясь двигаться как можно меньше, отправляет нори в пакет. Крупные капли пота блестят у него на лбу.

– Оставь, Леша, – мягко говорит Козырев, пережимая сосуд чуть выше и подкладывая в рану свежие тампоны. Тарасов немного распрямляется и несколько секунд переводит дух. Короткий взгляд на шефа, сдержанное молчаливое спасибо. Медсестра вытирает ему лоб. И снова – в бой.

Третью нори Атлант решает пока не трогать – ее можно будет извлечь вместе с легким уже в конце. Начинается долгая процедура отделения. Между органом и полостью множество спаек, которые нужно убрать. Ситуацию осложняет все ухудшающееся состояние пациента, поэтому чрезмерная торопливость может стоить ему жизни, но и лишнее промедление – тоже. Каким-то, не шестым даже, чувством нужно понять, в какой момент действовать. Козырев подстраховывает своего молодого коллегу, выполняя грубую работу, чтобы не отвлекать его от главного. Тарасов тихонько напевает, и его ассистенты приободряются, решив, что раз доктор в хорошем настроении, то дело идет на лад. Однако Козырев знает, что на самом деле в такие моменты Тарасову по-настоящему трудно, и он пытается сильнее сосредоточиться. Операция длится уже третий час, а сделать нужно еще так много. Тарасов досадливо шипит сквозь зубы: все-таки, оставить нори у самого корня легкого было большой ошибкой: существо сдвинулось, и теперь, чтобы подобраться к сосудам, придется сначала его обезвредить. Вероятность промаха очень велика, ведь расстояние измеряется какими-то миллиметрами. Тара-

сов ненавидит проигрывать, но сил у него уже не так много. Сейчас все его нервы напряжены до предела, и вся выдержка направлена на то, чтобы пальцы не дрогнули.

И у него получается. Совместными усилиями зараженное легкое извлекают из организма, операционная сестра очищает поле от лишней крови. Ее даже не так много. Козырев тщательно осматривает рану, проверяя, не осталось ли там следов от норы. Затем кивает коллеге: можно зашивать.

Вообще, с этим прекрасно могут справиться его ассистенты, но Тарасов всегда шьет сам. Другие врачи в шутку зовут его белошвейкой, поскольку его швы – самые ровные и крепкие, недаром еще в институте у него были все пятерки по этому предмету. Аккуратно, слой за слоем смыкается плоть, и вот, наконец, затягивается последний узел. Теперь хирург имеет право покинуть операционную и перевести дух, но Тарасов не торопится. Медленно подходит к изголовью стола и пристально смотрит на бледное лицо спящего пациента, затем – на показания приборов. Пульс еще слабый, хотя уже постепенно выравнивается, анестезиолог вводит в капельницу все новые лекарства. Карие глаза Атланта в узкой щели над маской ловят взгляд Козырева, и тот быстро подходит, понимая, что сейчас как никогда нужна его помощь.

Ибо в груди больного по-прежнему пусто, и хоть сейчас он подключен к различным аппаратам, жизнь его все еще в большой опасности. Таково разрушительное действие норы: долго живя в человеческом теле, они оставляют после себя бездонную черную дыру, которую не зашить никакими нитками. Почти никакое событие в жизни не способно впустить в нее достаточно света, чтобы эта дыра исчезла, поэтому ее обладатели часто умирают спустя несколько лет после излечения – без видимой на то причины. Если долг хирурга – вырезать пораженную ткань, то долг Атланта – сделать так, чтобы болезнь никогда не вернулась назад. А для этого нужно принести жертву.

Тарасов извлекает из своей груди невесомый и неосязаемый шар света размером с теннисный мяч. Он светится неярко, но ровно, его силы вполне хватит на то, чтобы полностью закрыть дыру в груди пациента. Вот только тогда от него ничего не останется. Тарасов совершенно спокоен – он сделал свое дело и готов рискнуть. Он считает себя сильным и может работать даже когда его солнце на исходе. Не будь сейчас в операционной его начальника, он сделал бы это без промедления. Но Козырев знает, чем может обернуться для Атланта отсутствие солнца, поэтому он мягко берет широкую ладонь Тарасова в свои, глубоко вздыхает и дует на теплый мерцающий шар, который от его дыхания вспыхивает ослепительным золотом. Слабость и равнодушие тут же накатывают на него самого, ноги слабеют в коленях, но Козырев лишь удовлетворенно улыбается и отступает на шаг. Тарасов осторожно разделяет солнце на две части и большую из них с огромной осторожностью дает вдохнуть больному, а оставшуюся вдыхает сам. Вот теперь все.

Солнце Атланта... Козырев так до конца и не понял, откуда оно берется, хоть и проработал здесь уже более двадцати лет. Все, что он знает, пришлось постигать самому с самых первых дней, когда он, еще будучи молодым, впервые переступил порог этой клиники и узнал от старших, что Красный Дом не просто больница...

Никто из них не знал, что за сила таится в отсыревших кирпичных стенах, почему она дает особое зрение и сверхъестественные способности тем, кого выбирает. И кого именно выбирает? За минувшие годы в клинике проработали сотни специалистов, и из них далеко не все были способны увидеть норы. В основном это были обычные люди самых разных интересов и менталитетов, объединенные профессионализмом и любовью к медицине. Как разглядеть в себе особый дар и вспомнить, откуда приходишь на самом деле? Каждый Атлант приходил к этому по-своему. Быть может, дело было в мгновенной привязанности к месту – так объяснял это Козырев самому себе – когда Красный Дом с первого взгляда становился домом, прибежищем, храмом и крепостью. Все знакомые ему Атланты жили здесь большую часть времени; у себя дома они только ночевали, в городе – развлекались, но рано утром, под-

нимаясь в свое отделение, они по-настоящему возвращались домой. Некоторые работали здесь до глубокой старости – как, к примеру, его друг и учитель, профессор Баранов, который застал свой столетний юбилей в операционной. Только закончив сложнейшую операцию по резекции нескольких сегментов легкого, он позволил себе выпить чаю с пирогами, которые испекла для него старшая медсестра. Свой уход на пенсию профессор встретил безрадостно, но мужественно, поддавшись на уговоры коллег, переживавших за него. А уже через пару месяцев он скончался, и Козырев знал: не из-за преклонного возраста, а из-за солнца, покинувшего его. Баранов уходил на пенсию рослым крепким мужчиной, а в гроб клали высохшего старика...

У Атлантов нет законов. Все, что они должны делать официально, прописано в клятве Гиппократова и Кодексе врачебной этики. Неофициальная же часть больше напоминает духовное учение и является неотъемлемой частью их жизни. Первое и главное правило – блюсти себя в форме, то есть, тренировать свое тело, хорошо питаться, дышать свежим воздухом и вовремя ложиться спать. Второе – держать свой дух в чистоте, то есть, не думать о возможных неудачах, не предаваться унынию и не иметь вредных привычек. Третье – любить жизнь во всех ее проявлениях, любить ее в себе и других и радоваться ей. Четвертое – побеждать, невзирая на усталость и боль, но помнить при этом, что не бывает плохих побед. Пятое – никогда ничего не забывать – оно может пригодиться в любой момент. Шестое – никогда ничего не бояться. Седьмое – уметь ждать и терпеть. И ко всему этому добавляется простая человеческая мудрость: Атлант не был бы Атлантом, если бы никогда не нарушал этих правил.

Глава Третьей хирургии Эдгар Таллинский был, пожалуй, лучшим хирургом во всей клинике. Всегда бодрый и жизнерадостный, он появлялся на работе первым и уходил последним. Весь его рабочий день был наполнен операциями, обходами и осмотрами и бесконечными разговорами с пациентами, которых доктор Таллинский действительно любил. Козырев всегда поражался этому: за свою долгую врачебную практику он сам приучился дистанцироваться от вверенных ему больных, прекрасно понимая, сколько сил может забрать личная привязанность к кому-то из них, сильно вредя работе. Дистанции он также учил своих молодых коллег. Однако Таллинский был из тех, кто нарушал неписаное правило. Он был одним из Атлантов, с огромным горячим солнцем в груди, которое он щедро раздавал своим пациентам без остатка. Столько прозрачных нитей выходило из его тела, привязывая к тем, кто был под его присмотром, и тем, кто давно ушел, что казалось, будто он вот-вот увязнет в этой паутине. Ему звонили и писали письма, и он даже завел себе страницы в соцсетях, чтобы отвечать всем. Казалось, у доктора Таллинского есть глаза и уши по всей стране: так сильно он интересовался судьбой каждого своего пациента. Любовь к ним и преданность долгу питали его, наполняя огромной силой; в свои пятьдесят два он едва выглядел на сорок. Но, как это часто случается с теми, кто дает слишком много, в один прекрасный день Эдгар Таллинский сгорел.

Этому дню предшествовали недели тяжелейших дежурств в соседней клинике, где Таллинский принимал больных по «скорой». Он не давал себе отдых до тех пор, пока лично не убедился в том, что все сделано по высшему разряду. Вернувшись рано утром в ординаторскую, он свалился без сил на дежурный диван. Очнулся уже с высокой температурой и чудовищной слабостью во всем теле. Профессор Лисенко, тогдашний главврач, чуть ли не пинками отправил его на больничный, с которого Таллинский вернулся уже через три дня и тут же вышел на дежурство, а ранним утром – в операционную. Там, рядом с больным, который был буквально изъеден кровожадными нори, и выяснилось: у Атланта погасло солнце. Точнее, даже не погасло: он просто раздал его, не оставив себе ни одной искорки, которая могла бы разгореться заново. Пока он работал, игнорируя тревожные симптомы, нори захватили его тело, и поделаться что-либо было уже невозможно: Атлант умирал.

Конечно, доктор Таллинский сдался не сразу. Он продолжал работать, делал обходы, разговаривал с больными. Но все это уже не вызывало у него прежней радости. Апатия и уста-

лость брали верх. Лисенко отстранил его от операций, и теперь Таллинскому оставались только изнурительные дежурства, от которых ему становилось только хуже.

Козырев пытался помочь ему. Когда у Таллинского диагностировали очаговый туберкулез в поздней стадии, Козырев явился к нему и заставил вдохнуть часть своего собственного солнца, надеясь, что это сработает так же, как и с больными. Однако ничего не вышло, Атлант уже был настолько равнодушен ко всему, что искра жизни так и не прижилась у него в груди, несмотря на все отчаянные попытки раздуть ее. Как только Козырев увидел это, он заставил себя отступить и заняться другими делами. Перераспределил операции Таллинского на себя, часть отдал доктору Тарасову. В атмосфере всеобщей подавленности из-за состояния их старшего коллеги нагрузка оказалась такой серьезной, что Тарасов сам потерял солнце после череды бессонных ночей. В тот раз Козырев испытал, пожалуй, самое сильное потрясение в жизни, испугавшись, что по своей вине потеряет молодого ассистента. Но все обошлось: Козырев повторил процедуру с солнцем, и на этот раз она удалась. После пары отгулов Тарасов вернулся в строй бодрим и полным сил.

Таллинский угас всего за несколько месяцев. Хоронили его всем коллективом, на церемонию прощания пришли все ходячие больные, а также ученики и даже зарубежные коллеги-хирурги. Профессор Лисенко читал долгую надгробную речь, чахоточные бабушки плакали в задних рядах, молодые врачи шумно спорили, кто из них займет должность покойного. Атланты молчали, и Козырев чувствовал, что у каждого из них в тот день погасла частица их солнца – точно так же, как гаснут звезды, когда солнце скрывается за облаком пыли.

Все посвященные знали: доктор Таллинский покинул Красный Дом полностью. Лунной ночью его бесплотный дух сел в длинную невесомую лодку, и безмолвный Лоцман отвез его в открытое море. Впрочем, возможно, это было лишь видение...

Анна

Визит анестезиолога – обычное дело перед операцией. Накануне он приходит в палату, чтобы обсудить с пациентом волнующие его детали, подготовить к операции, подбодрить и дать совет. В целом, больные относятся к их приходу хорошо, но бывают и исключения: кое-кто видит в этом дурное предзнаменование.

– Увезите меня отсюда! Я отказываюсь! – кричала на всю Милю Галина Степановна, выжившая из ума старуха из тридцать шестой палаты. Ее соседки пытались ей что-то объяснить, но старухины вопли становились только громче. Растерянный молодой анестезиолог пожал плечами и вернул на пост ее личное дело.

– Не могу ничего сделать. При виде меня у нее истерика...

– Бывает, – дежурная медсестра уже готовила шприц с успокоительным. – Ну-ка, Галочка, пойдем в палату! Сейчас укольчик сделаем, все будет хорошо...

– Не дамся резаться, вот вам крест, не дам! – Галина Степановна обвела всех свирепым взглядом, запахнула куцый пятнистый халат и засемила в палату. Миля тряслась от хохота: больных, вышедших поглазеть на разворачивавшуюся сцену, поведение их товарки очень развеселило. Надо сказать, что бабку успешно прооперировали на следующий день, после чего она стала часто появляться в коридоре и драматическим шепотом рассказывать всем желающим о своих злключениях; впрочем, это уже другая история.

Все бы ничего, но на Танечку Белову это событие произвело неизгладимое впечатление. Через две недели, когда их соседку, Надежду Михайловну, начинают готовить к операции, и в назначенное время к ней приходит анестезиолог, Таня вдруг вскакивает с кровати и пулей вылетает в коридор.

– Что, уже обед дают? – сонная Анна выходит вслед за ней и видит такую картину: Таня со всех ног бежит в ординаторскую и на полпути врывается в доктора Тарасова.

– Танька, ты это чего затеяла? – с высоты своего роста басит он, удивленно глядя на всхлипывающую девчонку, вцепившуюся в его робу.

– Там... к моей соседке... в палату пришла... – Танечка не может совладать с собой. – Сделайте что-нибудь, мне страшно!

– А теперь внятно и по порядку, – хирург принимает ужасно деловой и заинтересованный вид, отводит девушку на пост, усаживает на стул и сам садится напротив. – Кто пришел, куда и зачем?

– Доктор, это я просто брежу... – Танечка размазывает слезы по щекам. – К моей соседке анестезиолог пришла, про операцию рассказывать, а мне так страшно это все... Вроде и понимаю, что ничего такого, а все равно...

– Понимаю... – серьезно кивает Тарасов, пристально глядя ей в лицо. Ох, не в первый раз он все это слышит, – думает Анна, наблюдая за ними от двери палаты. Всегда все почему-то приходят именно к нему и говорят почти слово в слово одно и то же.

– Скажите что-нибудь смешное, – тихо просит Таня. – Какую-нибудь ерунду, как вы умеете. Я засмеюсь и пойду дальше спать, а потом все это забуду.

Тарасов расплывается в улыбке, ловко надевая маску добродушного деревенского парня. Рассказывает какой-то анекдот, отчего находящиеся поблизости пациенты ржут как кони. Танечка смущенно улыбается.

– Спасибо, доктор. Теперь я пойду.

– Да не за что, обращайся в любое время, – Тарасов удовлетворенно отправляется по своим делам. Кажется, за ее состояние он не переживает.

– Ну и что это было такое? – спрашивает Анна уже после ужина, когда их соседка Надежда Михайловна уходит на предоперационные процедуры, и выдается время поговорить.

– Не знаю... – Таня садится на кровати, зябко обняв свои колени. – Мне кажется, что я схожу с ума. Вроде бы и не чувствую ничего, а иногда такая паника дурацкая нахлынывает. И мерещится всякое...

– Ты и вправду сходишь с ума, – серьезно говорит Анна. – Потихонечку. Самое ужасное, что при этом ты полностью в сознании и чувствуешь, как безумие сжирает тебя изнутри, будто яд. И ничего не можешь поделать.

– Ты шутишь? – в Таниных глазах мелькает страх, и Анна поспешно спохватывается.

– Шучу, конечно. Шутки у нас злые. А ты, наверное, подумала, что за тобой сама смерть пришла?

– Как ты узнала?

– Ну а как еще, – усмехается Анна. – Поживешь тут с месяцок, наслушаешься местного трепа, и потом на тебе: «Готовьте бинты, завтра к двенадцати». К этому невозможно привыкнуть, что бы ты ни напридумывал себе. Но всегда нужно верить, – Анна старается улыбнуться как можно теплее, – в то, что тебе здесь помогут, что ты здесь не просто так.

– Я стараюсь, – тихо отвечает Танечка. – У меня хороший врач, Сергей Николаич. Он все понимает.

«Ага, но побежала ты не к нему сегодня», – думает Анна, но вслух не высказывает.

За дверью гремит тележка, развозя кефир, но девушки не двигаются с места. Мягко гудят потолочные лампы, по окнам снаружи колотит дождь. Пол мелко трясется: рядом со зданием пролегает тоннель метро, и можно услышать, как движется поезд.

– А кто такие Атланты?..

Вопрос звучит настолько неожиданно, что у Анны сбивается с таким трудом разложенный пасьянс. Таня с любопытством смотрит на нее и ждет ответа.

– Кто тебе сказал про Атлантов? – настороженно уточняет Анна.

– Да так, мужики какие-то болтали в коридоре... Это что, сказка такая местная?

– Сказка, да не совсем... – Анна качает головой, но потом вдруг улыбается. – Ох, тебе столько еще предстоит узнать здесь! Я даже немного завидую тебе, хоть и завидовать, вроде бы, нечему... – она перебирается на Танечкину кровать, садится по-турецки и начинает заново тасовать замызанную колоду карт. – Все, что ты видишь, на самом деле совсем другое.

– Расскажешь? – затаив дыхание, спрашивает Таня. Ее глаза блестят от любопытства, щеки размялились, рот приоткрылся.

– Это старая сказка. Ее мне рассказывали те, кто лежал в нашей больнице уже не первый год, когда я была здесь в прошлый раз. Давно это было. Кажется, вечность назад... – Анна смотрит в темное окно. По стеклу сползают капли дождя, оставляя длинные блестящие дорожки.

Это было пять лет назад. В переводе на время Красного Дома – примерно пять вечностей или пять часов, смотря как взглянуть на это. Тогда в палатах еще не было автоматических кроватей с поднимающимися спинками – только железные койки с продавленными матрацами, а стены были покрыты зеленой штукатуркой, которая отлетала большими пластами размером с блюдце. На этих ошметках Анька Лесникова в первую свою ночь выцарапывала иголкой рисунки. Местный психолог очень заинтересовался ими, долго расспрашивал Аньку о ее болезни и о причинах чудовищной депрессии, которая и стала, по его мнению, решающим толчком. Анька наплела ему тогда с три короба, лишь бы отвязаться: в подобных заведениях нельзя открывать душу всяким мозгоправам – так и до дурдома недалеко.

Все знакомые врачи тогда уже были здесь. А еще был доктор Таллинский, медленно умиравший от чахотки, и санитар Степа, игравший с пациентами в нарды и настольный теннис (за что его и выгнали в результате – поскольку отвлекался от своих прямых обязанностей). Был одноногий дед Василий и его сосед дядя Витя, которые тайком проносили в палату водку и устраивали ночные посиделки. Эти двое лечились в клинике уже седьмой год и знали все обо всех. У деда Василия была толстая ветхая тетрадь, в которую он записывал выдающиеся слу-

чай, произошедшие в Доме за несколько лет, а также истории проходящих через него людей. Когда он доставал из чемодана свою тетрадь, из той постоянно высыпался разноцветный песок, и Анька, иногда гостившая у двух стариков, всякий раз удивлялась, откуда он берется. Вот тогда-то и услышала она самую удивительную на свете историю.

– Понимаешь, Танюша, наша больница стоит на пересечении вечностей, – объясняет Анна, старательно подбирая слова. – И наши врачи на самом деле – древние мифические существа.

– Что, прямо все-все? – шепотом спрашивает Танька.

– Нет. Только те, кто нашел свое настоящее призвание и захотел здесь остаться. Почти всегда они ходят в облике людей, но однажды ночью, в полнолуние, они принимают свой настоящий вид.

– Но разве их кто-нибудь видел, этих существ? – Танечка даже забывает о слабости и температуре.

– Кое-кто видел – иначе откуда слухи берутся? Говорят, что Атланты ростом в пять метров. У них длинные руки и ноги и синяя кожа, а еще – хвосты и шипы на спине, как у динозавров. Они очень сильные и очень добрые. Они любят людей и хотят им помочь, но зло, с которым им приходится бороться, порой слишком большое, и Атлантам справиться с ним так же тяжело, как удержать падающее небо.

– Интересно, правда это, или нет? – задумчиво говорит Танечка. – Вот бы у Сергея Николаича спросить!

– Не нужно, Таня, – мягко говорит Анна, кладя руку соседке на плечо. – Пообещай мне, что не будешь ни у кого из них спрашивать и вообще говорить при них то, что услышала от меня. Обещаешь?

– Да-да, хорошо... – Таня растерянно моргает. – Но почему? Что в этом такого?

– Не знаю, – сердито отвечает Анна и перебирается обратно к себе на кровать. – Просто не нужно. Кто знает, какие силы ты разбудишь своим неосторожным словом! На месте тех мужиков я бы не стала обсуждать такие вещи в коридоре. В мое время об этом только в палате говорили, шепотом, да и то... – она опасливо оглядывается на дверь. – В общем, забудь. Сказок у нас много, да не все нужно пересказывать.

– А что стало с дедом Василием и его тетрадью? – жадно интересуется Танечка.

– Я не знаю, – Анна тяжело вздыхает. – Меня выписали раньше. А теперь уже и спросить некого.

– А как же Константин Львович? Он-то все про всех знает!

– Вряд ли ему известно про тетрадь, – с сомнением отвечает Анна. – А если расспрашивать будешь, начнет докапываться: зачем тебе такая информация? Правду говорить никому из них нельзя.

– Ясно, – Таня начинает разбирать постель. – Жалко, что у тебя не осталось прежних знакомых отсюда. Может, и удалось бы что-то узнать.

– Ну, почему, знакомые остались... – Анна болезненно морщится. – Кое-кто оставлял телефоны, но что толку? Есть неписаное правило: не общаться с теми, кто был до тебя. Примета такая.

– Но ведь я слышала, что многие выписавшиеся потом общаются друг с другом...

– Так то на воле. А мы с тобой здесь. Это все равно, что письма из ниоткуда. «Ниоткуда с надеждой на долгую новую жизнь...», – с грустной улыбкой цитирует Анна. – Это у нас один парень был, Славка. Писал стихи про наш дурдом. Давал мне почитать кое-что.

– Что с ним стало потом?

– Несчастный случай. Одна дуреха тут алкогольную тусовку устроила, а потом решила домой поехать, ну Славка и кинулся ее провожать. А дело зимой было, скользко. Взял, поскользнулся на лестнице и сломал себе шею. Тридцать лет всего было, жалко...

– Девочки, обход! – в комнату заглядывает медсестра Людмила, позади нее маячит фигура доктора Тарасова.

– Привет, девчонки, жалобы есть?

– Нет! – хором отвечают Татьяна и Анна, и хирург, удовлетворенный, уходит.

Девушки ложатся в постели и гасят свет. Слабый оранжевый отблеск с улицы пробирается в окно. За тонкой дверью палаты слышно, как в коридоре Итальянец что-то оживленно кому-то рассказывает.

Первый приход Змея

Танечка Белова тихо открывает дверь и выскальзывает в коридор. Вот уже который час ей не удается заснуть: от антибиотиков сильно болит голова и бросает в жар, а в голове творится какой-то кавардак, отчего душный мрак комнаты кажется зловещим, а спящие соседи – будто неживыми.

На Миле горит свет – яркую белую лампу на столе дежурной медсестры не гасят всю ночь. Длинные черные тени пляшут по углам, прячась от режущего света.

– И чего мы гуляем? – Таня вздрагивает, услышав голос доктора Тарасова. Оказывается, он сидит за столом, склонившись над какими-то бумагами. Что-то странное есть в его облике и в его хриплом голосе, который обычно не такой низкий. И тут девушка замечает эфемерные нити света, паутиной выходящие из его груди и спины и тянущиеся по всей длине коридора, исчезая за безликими белыми дверьми. Тарасов молча смотрит ей в лицо, затем расслабленно откидывается на спинку стула, заложив руки за голову.

– Ну что, ты боишься меня, Танька?

– Нет, – она продолжает его разглядывать, стараясь не выдавать своего волнения, хотя сердце колотится как бешеное. Девушка пока не может решить, страшно ей, или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.